

ОТДЕЛ «Q»

КОМПЛЕКТ ИЗ 5-ТИ КНИГ

Звезды мирового детектива

Юсси Адлер-Ольсен

Отдел «Q»: комплект из 5-ти книг

«Азбука»

2007, 2008, 2009, 2010, 2019

Адлер-Ольсен Ю.

Отдел «Q»: комплект из 5-ти книг / Ю. Адлер-Ольсен — «Азбука», 2007, 2008, 2009, 2010, 2019 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-34028-2

Серия «Отдел Q» – леденящий душу триллер о самых безнадежных делах, которые только видела Дания. В подвалах копенгагенской полиции существует особый отдел, куда отправляют дела, от которых остальные следователи отказались. Здесь, среди пыльных архивов, Карл Мёрк и его команда берутся за расследования, которые годами считались закрытыми. Их мир – это мир старых ошибок, застывших тайн и жертв, о которых все забыли. Каждая страница серии наполнена мрачной атмосферой Скандинавии, где под спокойной поверхностью скрываются самые темные человеческие секреты. От поисков пропавшей политика в «Женщине в клетке» до расшифровки зловещего послания в бутылке, написанного кровью, в «Тьме в бутылке» – отдел Q сражается с временем и равнодушием, чтобы докопаться до шокирующей правды. Эта серия выделяется благодаря уникальному сочетанию детективной интриги и глубокой психологической драмы, где прошлое каждого героя оказывается тесно переплетено с расследуемыми преступлениями, как в деле «Жертвы 2117», где демоны прошлого одного из сотрудников вырываются на свободу. Если вам нравятся сложные, многослойные триллеры в духе Стига Ларссона или Ю Несбё, то цикл об отделе «Q» станет жемчужиной вашей коллекции. Погрузитесь в мир, где в каждом деле – своя бездна, а правда оказывается страшнее любых догадок.

ISBN 978-5-389-34028-2

© Адлер-Ольсен Ю., 2007, 2008, 2009,
2010, 2019

© Азбука, 2007, 2008, 2009, 2010, 2019

Содержание

Женщина в клетке	7
Пролог	8
1	9
2	11
3	13
4	17
5	22
6	24
7	30
8	32
9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юсси Адлер-Ольсен

Отдел «Q»: комплект из 5-ти книг

Jussi Adler-Olsen
KVINDEN I BURET
FASANDRÆBERNE
FLASKEPOST FRA P
JOURNAL 64
OFFER 2117

Copyright © Jussi Adler-Olsen, 2007, 2008, 2009, 2010, 2019
Published by agreement with JP/Politikens Hus A/S, Denmark
& Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden
All rights reserved

© И. П. Стреблова, перевод, 2012
© В. В. Жиганова, перевод, 2012, 2013, 2022
© Б. С. Жаров, перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021, 2022, 2024
Издательство АЗБУКА®

* * *

Женщина в клетке

© И. П. Стреблова, перевод, 2012

* * *

*Посвящается Ханне Адлер-Ольсен.
Без нее бы источник иссяк*

Пролог

Она в кровь стерла пальцы, царапая гладкие стены, и до того сбила костяшки, молотя кулаками по толстому стеклу, что уже не чувствовала собственных рук. Не менее десяти раз она ощупью добиралась до стальной двери и, цепляясь ногтями за выступающий край, пыталась ее открыть, но дверь не поддавалась ни на миллиметр, и она только поранилась об острую кромку.

Под конец, обломав все ногти, она, тяжело дыша, опустилась на ледяной пол. Сердце отчаянно билось. На миг она застыла, уставившись широко раскрытыми глазами в кромешную тьму, потом закричала. Она кричала, пока не перестала себя слышать, а может, ей изменил голос.

Тогда она запрокинула голову и снова ощутила ветерок, дувший откуда-то из-под потолка. Может быть, она достанет до того места, откуда он идет. Надо только разбежаться, подпрыгнуть и ухватиться за что-нибудь. А вдруг тогда удастся что-то сделать?

Или это вынудит прячущихся за стеной негодяев войти. И тогда, наверное, получится ткнуть им в глаза пальцами и ослепить. Если она будет действовать быстро, то, наверное, сумеет выскочить.

Облизав окровавленные пальцы, она села, засунув под себя руки ладонями к полу. Подняла невидящий взгляд и попыталась различить во тьме потолок. Вдруг он так высоко, что не допрыгнешь? Или там не за что уцепиться? Но попробовать надо – что еще остается делать?

Сняв куртку, она аккуратно положила ее в углу, чтобы не попала под ноги. Затем резко оттолкнулась и прыгнула вверх, вытянув руки как можно дальше, но обнаружила лишь пустоту. Повторив попытку несколько раз, она отошла к задней стене, секунду постояла, собираясь с силами, затем разбежалась и снова подпрыгнула, размахивая руками, будто ловя ускользающую надежду. Приземляясь после прыжка, она поскользнулась, упала и сильно ударилась плечом о бетонный пол, а головой о стену; из глаз посыпались искры, и она застонала от боли.

Больше не пытаясь что-то предпринять, она осталась лежать на полу. Очень хотелось плакать, но она этого себе не позволила. Если тюремщики за стеной слышат ее, то могут принять слезы за сигнал капитуляции, но это не так. Сдаваться она не собирается.

Она будет делать то, что в ее власти. Для них она – женщина в клетке, но степень ее внутренней свободы зависит только от нее. Она будет думать о том, что связывает ее с миром на воле и ограждает от безумия. Они никогда не заставят ее склонить голову. Она приняла это решение вопреки боли, которая пульсировала в плече и в опухшем глазу.

Рано или поздно, но она все равно отсюда вырвется.

1

2007 год

Подойдя к зеркалу, Карл провел пальцем по шраму на виске. Рана зажила, но след от пули легко разглядеть под волосами, если присмотреться.

«Да с какой стати кто-то будет присматриваться?» – подумал он, изучая свое отражение.

Лицо его заметно изменилось: появились глубокие складки возле губ, круги под глазами, безразличие во взгляде. Нынешний Карл Мёрк стал непохож на прежнего детектива, для которого работа составляла смысл жизни, рослого, элегантного ютландца, при виде которого иные приподнимали брови и невольно улыбались. Впрочем, на кой черт ему это надо?

Застегнув рубашку, он надел куртку, допил кофе и так хлопнул на прощание дверью, что остальные жильцы сразу поняли: хватит валяться в постели. Мельком глянув на дверную табличку, он отметил: пора наконец ее сменить. Вигга съехала отсюда давным-давно, можно сказать, в незапамятные времена. И хотя развод еще не оформлен, этот заезд уже позади.

Карл повернулся и направился к Хестестиен. Если успеть на поезд, который отходит через двадцать минут, можно будет полчаса провести в больнице у Харди, а уж потом идти на работу – в Управление полиции.

Увидев за деревьями красное здание церкви, он напомнил себе: как же сильно ему тогда повезло! Всего на два сантиметра правее, и Анкер был бы сейчас жив. Всего на сантиметр левее, и убитым оказался бы сам Карл. Такой пустяк спас его от путешествия по зеленым полям и мимо хладных могил, до которых отсюда с полкилометра.

Карл пытался представить себе это, но получалось с трудом. О смерти ему известно было не так уж много: только то, что она порой приходит неожиданно, как удар молнии, и наступает великая тишина.

Зато он много знал о том, какой жестокой и бессмысленной смертью иногда приходилось умирать людям. С этим ему доводилось сталкиваться нередко. Первую жертву убийства он увидел всего через три недели после окончания полицейской школы и запомнил это зрелище навсегда. Это была хрупкая маленькая женщина, которую задушил собственный муж. И потом еще много недель Карла преследовали ее потухшие глаза и застывшее лицо.

За первым делом последовало множество других. Каждое утро он внутренне готовил себя к встречам с этими картинками: окровавленная одежда, восковые лица, дышащие холодом фотографии. Каждый день выслушивал, как люди врут и оправдываются. Каждый день приносил новое преступление, но постепенно Карл стал воспринимать их все более и более отстраненно. Двадцать пять лет службы в полиции, из них десять в отделе убийств, притупили его впечатлительность.

Но однажды ему встретилось дело, которое пробило броню. В тот день его с Анкером и Харди послали в гнилой барак на немощенной, грязной улочке на Амагере¹, где ждало очередное мертвое тело, в истории которого им предстояло разобраться.

Как обычно, одного из соседей насторожила вонь. Казалось бы, ничего особенного – просто одинокий пропойца испустил дух, лежа в собственном дерьме, но тут обнаружилось, что из головы у него торчит гвоздь, всаженный при помощи строительного пистолета. Из-за этого гвоздя делом занялся отдел убийств полиции Копенгагена.

Происшествие выпало на дежурство группы под началом Карла. В принципе, ни он сам, ни его помощники не возражали, хотя не обошлось без крепких выражений по поводу лишней нагрузки и медлительности других команд. Но кто же мог предвидеть фатальный исход этого выезда? Не прошло и пяти минут после того, как они ступили в полную трупной вони квартиру,

¹ Амагер – остров, на котором расположен один из районов Копенгагена. – *Здесь и далее примеч. перев.*

и Анкер уже лежал на полу в луже крови, Харди сделал последний в жизни шаг, а в Карле навсегда погас огонек, без которого невозможно работать в отделе убийств.

2

2002 год

Газеты-сплетницы обожали вице-председателя Демократической партии Мерету Люнгор: за острые реплики с трибуны фолькетинга², за полное отсутствие трепетной почтительности к премьер-министру и его подпевалам. За женскую прелесть – дразнящие глаза и очаровательные ямочки на щеках. За молодость и ранний успех, а главное, за то, что давала пищу для различных догадок: отчего такая талантливая и красивая женщина до сих пор ни разу не была замечена в обществе мужчины.

Мерета Люнгор поднимала тираж газет. Лесбиянка или нет, но она постоянно обеспечивала им стоящий материал.

И прекрасно это понимала.

– Почему ты не хочешь сходить куда-нибудь с Таге Баггесеном? – спросила ее секретарша. Обходя лужи, они на цыпочках пробирались к маленькой голубой «ауди» Мереты на стоянке на площади Ригсдага у дворца Кристиансборг.

– Я-то знаю, многие рады были бы куда-нибудь тебя пригласить, а Баггесен вообще ума лишился. Сколько раз он подъезжал с приглашением? Наверное, ты уже потеряла счет записочкам на столе? Между прочим, он и сегодня что-то принес. Мерета, дала бы ты ему хоть один шанс!

– Если хочешь, можешь забрать его себе, – сказала Мерета, укладывая на заднее сиденье стопку папок. – Марианна, ну на что мне сдался докладчик по вопросам транспорта от радикалов-центристов, ты можешь сказать? Что я ему – объездная дорога в Хернинге³, что ли?

Мерета подняла взгляд и посмотрела на музей «Арсенал». Какой-то человек в белой куртке фотографировал здание. Может быть, он сфотографировал и ее? Мерета помотала головой. Ощущение, что за ней постоянно наблюдают, начинало ее раздражать. Просто паранойя какая-то! Надо что-то с этим делать.

– Таге Баггесену тридцать пять лет, и он чертовски симпатичный. Пару килограммчиков ему, пожалуй, не мешало бы сбросить, зато у него есть вилла в Вейбю. Да, кстати, в Ютландии тоже, а то и несколько. Чего тебе еще надо?

Взглянув на секретаршу, Мерета с сомнением покачала головой:

– Да, ему тридцать пять, а он живет у маменьки. Ты, похоже, от него совсем голову потеряла, так что бери его себе! Пожалуйста, он твой!

Взяв из рук секретарши еще одну стопку папок, она поместила их на заднее сиденье к остальным. Часы на приборной доске показывали 17:40. Она уже опаздывала.

– Твой голос на вечернем заседании был бы не лишним, – заметила Марианна, но Мерета лишь пожала плечами:

– Ничего, как-нибудь обойдутся без меня.

С самого начала своей работы в парламенте она договорилась с председателем группы демократов, что после восемнадцати часов будет свободна, если только не назначат заседание комитета или голосование.

– Без проблем, – ответил он тогда, прекрасно зная, сколько голосов привлекает Мерета. А раз так, то и сейчас нечего волноваться.

– Ну, Мерета! Скажи уж, куда ты собралась? – снова спросила секретарша, шаловливо заглядывая ей в глаза. – Как хоть его зовут?

² Фолькетинг – датский парламент.

³ Хернинге – датский город в западной части Ютландии.

Мерета только улыбнулась и захлопнула дверцу. Пора, кажется, заменить Марианну Кох кем-нибудь другим.

3

2007 год

Начальник отдела по расследованию убийств Маркус Якобсен со стороны казался безалаберным человеком, но внешняя безалаберность нисколько не мешала ему работать. В его изощренном мозге все было аккуратно разложено по полочкам, а память не упускала ни одной детали, и даже спустя десять лет он без труда мог вспомнить любую мелочь.

Вот только суета, когда в помещение набивалась куча сотрудников, выводила его из равновесия. Они толклись тут, еле протискиваясь между раскладными столами и горами канцелярских папок, – просто светопрестваление какое-то.

Он взял со стола свою щербатую кружку с портретом Шерлока Холмса и залпом допил остывший кофе, в десятый раз за утро вспоминая про полпачки сигарет в кармане. Черт бы побрал это проклятое распоряжение, из-за которого теперь даже во дворе нельзя устроить себе маленький перекур!

– Послушай! – обратился Маркус Якобсен к своему заместителю Ларсу Бьёрну, которого попросил задержаться после окончания совещания. – Если мы ничего не предпримем, то это дело об убийстве велосипедиста в парке Вальбю доведет нас до ручки.

Ларс Бьёрн кивнул.

– И надо же было Карлу Мёрку именно сейчас вернуться и забрать у нас четырех лучших следователей! Все им недовольны, а кому сыплются жалобы? – Ларс потыкал себя пальцем в грудь, словно ему одному приходилось разгребать чужое дерьмо. – Вечно опаздывает на работу, гоняет своих людей, роется в делах, не отвечает на вызовы, в его конторе царит хаос. Нам уже жаловались из судебно-медицинской лаборатории, а ведь они с ним только по телефону поговорили. Из судебно-медицинской лаборатории, ты понимаешь? Нет, с этим пора что-то делать! Что бы там ни пережил Карл, это нельзя так оставить. Иначе отдел не сможет нормально работать!

Представив себе Карла, Маркус приподнял брови. Вообще-то, он хорошо относился к нему как к работнику, но этот вечно иронический взгляд и язвительные замечания кого хочешь могли довести до белого каления – Маркус знал это по собственному опыту.

– Да уж, в этом ты прав. Только Харди и Анкер и могли с ним договориться. Впрочем, они и сами были со странностями.

– Знаешь, Маркус, никто прямо этого не говорит, но, если честно, вообще-то, работать с Карлом – просто какое-то наказание. И началось это не сейчас. Он непригоден для работы в коллективе, где все друг от друга зависят. Почему ты взял его сюда из Беллахоя?⁴

– Ларс, он был и есть потрясающий сыщик. – Маркус твердо посмотрел в глаза Бьёрну. – Вот почему.

– Ну да, ну да, я знаю, мы не можем просто взять и выставить его из отдела, тем более в нынешних обстоятельствах. Но тогда придется поискать какой-то другой выход.

– Прошла всего неделя, как он вышел с больничного, и мы должны дать ему шанс. Может быть, надо его поберечь и найти ему что-то полегче?

– Ты думаешь? В последние недели на нас свалилось столько новых дел, что я не понимаю, как мы справимся. И некоторые из них, сам знаешь, особо сложные. Пожар на Америкавай – что это было: поджог или не поджог? Ограбление на Томгорсвай, когда был убит посетитель банка. Изнасилование и убийство в Торнбю, поножовщина с убийством в молодежной банде в районе Сюдхавн, убийство велосипедиста в парке Вальбю. Достаточно или продолжить? В придачу целая куча старых дел. Причем ко многим мы даже не нашли как подсту-

⁴ Беллахой – район Копенгагена.

питься. А тут такой начальник группы, как Мёрк! Нерасторопный, строптивый, всем недовольный, склочный, недоброжелательный с коллегами, он же вот-вот развалит весь отдел! Этот человек для всех нас прямо бельмо в глазу! Знаешь что, Маркус, пошли-ка ты его ко всем чертям, а сюда надо влить свежей крови. Я понимаю, что это жесткий подход, но вот тебе мое мнение.

Начальник отдела убийств кивнул. Во время совещания он обратил внимание на настроение подчиненных: они показались ему угрюмыми, злыми и уставшими. Понятное дело, никому не нравится, когда тебя топчут ногами!

Заместитель отвернулся к окну и, глядя на противоположную сторону улицы, сказал:

– По-моему, я могу предложить подходящее решение. Возможно, профсоюз начнет артаться, но едва ли.

– Господи, Ларс! Не хватало мне только еще вступать в стычки с союзом! Если ты надумал понизить его в должности, они тотчас же за него вступятся.

– А мы спихнем его путем повышения!

– Ах вот как!

Для Маркуса настал момент, когда требовалось проявить осторожность. Заместитель – великолепный сыщик с огромным опытом, на его счету множество раскрытых дел, но в области кадровой политики ему еще многому предстоит учиться. Просто взять и выпихнуть человека, с понижением ли, с повышением, – так дела не делаются.

– Ты, значит, предлагаешь выпихнуть его наверх? И куда же? Кто, по-твоему, должен освободить для него место?

– Я знаю, ты сегодня не спал почти всю ночь, а затем все утро был занят этим проклятым убийством в Вальбю, поэтому не мог следить за новостями. Но разве ты не слышал, что происходило в последние часы в Кристиансборге?

Начальник отдела убийств помотал головой. На него действительно свалилась куча хлопот в связи с новым поворотом в деле об убийстве велосипедиста в парке Вальбю. До вчерашнего вечера у них имелась хорошая, надежная свидетельница, и было совершенно очевидно, что женщина рассказала еще далеко не все. Никто не сомневался, что расследование вот-вот перейдет в решающую фазу. И вдруг свидетельница замкнулась и замолчала как рыба. Кому-то из ее окружения, по-видимому, пригрозили – только этим можно было объяснить такую перемену. Они допрашивали ее до посинения, побеседовали с ее дочерьми и матерью, но никто ничего не пожелал сказать. Женщин явно запугали. Да, Маркусу действительно было в эту ночь не до сна, поэтому он не знал никаких новостей, кроме тех, что были вынесены в заголовки утренних газет.

– Что? Опять Датская партия?

– Она самая, – подтвердил заместитель. – Их докладчик по правовой политике снова выступила с предложением продлить соглашение о полиции и на этот раз получила большинство голосов. Оно принято, Маркус. Пив Вестергор добила своего.

– Быть этого не может!

– Двадцать минут она резала с трибуны правду-матку, и правительственные партии, разумеется, ее поддержали, хотя для консерваторов это был нож острый.

– Ну и?..

– А как ты думаешь? Она привела четыре примера дел о тяжких преступлениях, положенных под сукно, которые, по ее мнению, общество не должно оставлять нераскрытыми. И в запасе у нее имелось еще много такого добра, скажу я тебе.

– Черт знает что! Неужели она думает, что полиция по своей прихоти бросает такие дела нераскрытыми?

– Она намекала, что в делах определенного типа это может быть одной из причин.

– Ерунда! Какого такого типа эти дела?

– Среди прочего те, в которых речь идет о преступлениях, совершенных по отношению к представителям Датской партии и либералов. Имеются в виду дела, прогремевшие на всю страну.

– Да она просто ненормальная!

– Тебе так кажется? – Заместитель покачал головой. – Но это еще не все. Она назвала дела о пропавших детях, дела о политическом терроре и преступления, отличающиеся особой жестокостью.

– Это же откровенная погоня за голосами!

– А как же! Иначе она бы не выносила эти вопросы на заседание фолькетинга. Сейчас они занялись этим вместе – все партии собрались в Министерстве юстиции на переговоры. Принятые документы косяками летят в Министерство финансов. Если хочешь знать мое мнение, постановление будет принято в течение ближайших двух недель.

– И в чем же оно должно заключаться?

– В том, что будет создан новый отдел криминальной полиции. Она сама предложила назвать его отделом «Q»⁵ в честь Датской партии. Не знаю, может быть, она пошутила, но так оно и будет. – Ларс кисло усмехнулся.

– А его назначение? То же самое?

– Да, на отдел возложены дела, «заслуживающие особого внимания», как они это назвали.

– Заслуживающие особого внимания, – повторил Маркус и кивнул. – Узнаю лихой стиль Пив Вестергор. Звучит впечатляюще. И кто же, скажи, пожалуйста, будет определять, какие дела заслуживают этого внимания? Она что-нибудь такое говорила?

Заместитель только пожал плечами.

– Ну ладно! – кивнул шеф. – Нам снова поручено делать то, что мы делали и раньше. Ну а дальше что? Что это значит для нас?

– Этот отдел находится под патронатом государственной полиции, но чисто административно будет, по всей видимости, подчинен отделу убийств копенгагенской полиции.

Начальник отдела убийств от неожиданности так и разинул рот:

– Ну и дела! Что значит – «чисто административно»?

– Мы планируем бюджет и пишем отчеты. Предоставляем конторский персонал и помещение.

– Не понимаю! Это что ж – отдел копенгагенской полиции должен будет теперь заниматься еще и расследованием стародавних дел полицейского округа Йёрринга? Округа на это ни за что не пойдут. Они захотят иметь в отделе своих представителей.

– Это не предусмотрено. Предполагается, что новый отдел снимет с округов часть нагрузки, а не добавит им новых задач.

– То есть под крышей этого отдела будет создана еще и выездная бригада для расследования безнадежных дел? И все силами моих сотрудников? Ну уж нет! Не бывать этому!

– погоди, Маркус, ты сперва выслушай! Речь идет только о том, чтобы изредка, в виде исключения, выделять на несколько часов двух-трех человек. Это же так, мелочь!

– Какая там мелочь!

– Ладно, если хочешь, давай я скажу все своими словами, согласен?

Начальник отдела только потер лоб. Разве он мог тут что-то поделать?

– Маркус! На это выделяются деньги. – Ларс сделал паузу и многозначительно посмотрел на начальника. – Не очень много, но достаточно, чтобы оплачивать одну штатную единицу и заодно перекачать в наш отдел два-три миллиона. Это дополнительное финансирование, которое нам ничего не будет стоить.

– Два-три миллиона? – Начальник подумал и кивнул. – Хорошо!

⁵ В избирательном списке каждая партия обозначается какой-либо буквой алфавита.

– Неплохо придумано? Мы молниеносно откроем новый отдел. Они ожидают, что мы встанем на дыбы, а мы и не подумаем. Мы выдвинем встречное предложение и составим бюджет без уточнения задач нового отдела, а затем назначим Карла Мёрка его руководителем. Руководить ему особенно не придется, потому что он будет единственным работником. Причем от всех остальных он будет отодвинут на безопасное расстояние, уж это я тебе обещаю.

Карл Мёрк во главе отдела «Q»! Маркус Якобсен представил себе эту картину. Отдел, который способен существовать на бюджет менее миллиона в год, включая разъезды, лабораторные исследования и все прочее. Если запросить для него пять миллионов в год, то за его счет отдел убийств можно увеличить на две следовательские группы. Пускай они преимущественно занимаются старыми делами. Может быть, не теми, которые поручены подразделению «Q», но чем-то в этом роде. Неопределенность, отсутствие четко прописанных задач – вот что тут главное. Гениально! Иначе не скажешь.

4

2007 год

Харди Хеннингсен был самым рослым из всех сотрудников, которые когда-либо работали в Управлении полиции. Согласно документам воинского учета, его рост составлял два метра семь сантиметров, хотя, скорее всего, он был еще выше. При всех задержаниях первым выступал Харди: когда он зачитывал задержанному его права, тому приходилось задира́ть голову. Обычно это производило сильное впечатление.

В настоящий момент рост Харди из преимущества превратился в недостаток. У Карла создалось впечатление, что за все время пребывания в больнице тому ни разу не удалось расправить свои длинные ноги. Карл говорил сиделке, что надо бы убрать спинку в изножье кровати, но это, вероятно, было не в ее компетенции.

Харди не разговаривал. Телевизор у него работал сутками напролет, в палату заходили люди, но он ни на что не реагировал. С тех пор как его привезли в Хорнбэк, в клинику спинномозговых травм, он только лежал пластом и пытался как-то жить: жевать пищу, немного подвигать плечами. Все, что ниже шеи, ему не повиновалось, и во всем остальном его парализованное, непослушное тело зависело от манипуляций сиделки. Пока его подмывали, кололи иглками, меняли мешочки для испражнений, он мог лишь смотреть в потолок. И почти ничего не говорил.

– Сегодня, Харди, я первый день выхожу на службу, – сказал Карл, поправляя ему перину. – Работа над этим делом идет вовсю. Пока результатов еще нет, но они обязательно найдут тех, кто нас подстрелил.

Тяжелые веки Харди даже не дрогнули. Он не удостоил взглядом ни Карла, ни трескучий, пустопорожный репортаж о выселении обитателей Молодежного дома⁶.

Казалось, ему все одинаково безразлично. В нем не осталось даже злости. Карл понимал его, как никто другой. Хотя он и не показывал этого при Харди, ему тоже было на все это совершенно наплевать. Абсолютно до лампочки, кто в них тогда стрелял. Какая разница? Мало ли на свете подонков!

Он коротко кивнул сиделке, которая вошла с новой капельницей. В прошлый раз она попросила его выйти, пока будет приводить в порядок Харди. Тогда Карл не послушался, и, очевидно, она этого не забыла.

– Вы уже здесь? – неприветливо спросила она и посмотрела на часы.

– Мне удобнее заходить перед работой. Вы что-то имеете против?

Она снова взглянула на часы – поздновато, мол, на работу собираешься! Потом вынула из-под одеяла руку Харди и проверила катетер для капельницы на кисти.

Отворилась дверь, и в палату вошла женщина-физиотерапевт. Ей предстояла нелегкая работа.

Карл похлопал по простыне, под которой проступали очертания правой руки Харди.

– Здешние барышни жаждут побыть с тобой наедине, так что я убегая. Завтра приду пораньше, и мы сможем поговорить. Держись молодцом!

Унося с собой больничный запах, Карл вышел в коридор и прислонился к стене. Рубашка прилипла к телу, и пятна под мышками расплылись еще шире. После той перестрелки ему не много было надо, чтобы утратить душевное равновесие.

Как обычно, Харди, Карл и Анкер прибыли к месту убийства раньше всех, облаченные в белые одноразовые спецовки с масками-респираторами, перчатками и шапочками, как это

⁶ *Молодежный дом* – старинное здание бывшего Народного дома, предназначенное под снос и с 1982 года занятое молодежью левых взглядов. В 2007 году его обитатели были выселены с помощью полиции.

было предписано для подобных случаев. Тело старика с гвоздем в голове обнаружили всего полчаса назад. От Управления полиции сюда было рукой подать.

В тот раз с осмотром трупа пришлось подождать. Насколько было известно, начальник отдела убийств сидел на совещании у префекта полиции по вопросу структурной реформы, однако собирался присоединиться к ним как можно скорее, вместе с главным районным врачом. Никакие бюрократические мероприятия не могли помешать Маркусу Якобсену самостоятельно явиться на место преступления.

– Вокруг дома техники вряд ли найдут что-то интересное, – сказал Анкер, ковырнув землю носком ботинка.

Почва была мокрая и рыхлая после ночного дождя.

Карл огляделся. Возле армейского барака, проданного военным ведомством в числе других таких же в шестидесятые годы, почти не видно было следов, кроме тех, что остались от деревянных башмаков соседа покойного. В свое время эти бараки, вероятно, были в отличном состоянии, но давно потеряли привлекательный вид: стропила просели, толь на крыше потрескался, в обшивке стен не осталось ни одной целой доски, а сырость довершила дело. Сгнила даже табличка на двери, на которой черным фломастером было написано «Георг Мадсен». Вдобавок ко всему из щелей несло трупным запахом. Не дом, а смрадная трущоба.

– Пойду потолкую с соседом, – сказал Анкер и направился к стоявшему в сторонке человеку, который терпеливо дожидался уже полчаса.

Веранда его домика отстояла от барака всего метров на пять. Когда барак снесут, вид из окна определенно станет лучше.

Харди легче всех переносил трупный запах: то ли оттого, что самая густая вонь на высоту его роста не поднималась, то ли обоняние у него было хуже, чем у остальных. На этот раз смрад стоял особенно жуткий.

– Черт знает что, до чего тут воняет! – бурчал Карл, надевая в коридоре пластиковые бахилы.

– Давай я открою окно, – предложил Харди и шагнул из тесной прихожей в боковую комнату.

Карл прошел вперед в крошечную гостиную. Сквозь опущенные жалюзи в нее почти не проникал свет, однако и этого хватило, чтобы разглядеть сидящую в дальнем углу фигуру с зеленовато-серым лицом, сплошь покрытым сморщенными пузырями. Из носа стекала струйка красноватой жидкости, рубашка чуть не лопалась на распухшем туловище. Глаза были словно из стеарина.

Надевая перчатки, Карл услышал за спиной голос Харди:

– Гвоздь в голову забит при помощи газового строительного пистолета. Он лежит рядом на столе. Там же электрическая отвертка на батарейках, она еще не разрядилась. Надо будет выяснить, сколько времени она выдерживает без подзарядки.

Они едва успели осмотреться в помещении, как к ним присоединился Анкер.

– Сосед переехал сюда шестнадцатого января, – сообщил он. – То есть всего десять дней назад. При нем покойный, – тут он махнул в сторону трупа и огляделся, – ни разу не выходил из дома. Сосед расположился посидеть на веранде, наслаждаясь результатами глобального изменения климата, и оттуда почувствовал запах. Бедняга пережил большое потрясение. Наверное, нужно попросить районного врача, чтобы заглянул к нему.

То, что случилось в следующий миг, Карл потом вспоминал очень смутно. Отчаявшись добиться четкого рассказа о событиях, его оставили в покое и решили, что он находится в бессознательном состоянии. Однако это было не так. На самом деле Карл помнил все даже слишком хорошо, только не хотел вдаваться в подробности.

Он слышал, что кто-то вошел через кухонную дверь, но не придавал этому значения. Может, виновата была эта вонь, а может, он подумал, что пришли техники.

Спустя несколько минут он краем глаза заметил человека в красной клетчатой рубашке. Вошедший ворвался в комнату. Карл подумал, что надо выхватить пистолет, но рефлекс не сработал. Зато он ощутил ударные волны от выстрелов: первый поразил Харди в спину, и тот упал, опрокинув Карла и накрыв собой. Под тяжестью простреленного тела товарища у Карла хрустнул позвоночник и было сломано колено.

Затем грянули новые выстрелы: пули попали Анкеру в грудь и скользнули по виску Карла. Он с полной ясностью помнил, как лихорадочно дышал лежавший на нем Харди, чья кровь пропитала его костюм и смешалась на полу с его собственной кровью. И, глядя надвигающиеся перед его глазами ноги убийц, он все время думал, что надо достать пистолет.

Позади него на полу лежал Анкер и силился перевернуться. В маленькой комнатухе по другую сторону прихожей переговаривались убийцы. Через несколько секунд они вернулись в комнату. Карл слышал, как Анкер приказал им остановиться. Потом он узнал, что тот сумел выхватить пистолет.

В ответ раздался еще один выстрел, и пол содрогнулся. Пуля попала Анкеру прямо в сердце.

Все кончилось очень быстро. Преступники выбежали через дверь черного хода, а Карл остался лежать неподвижно. И когда прибыл главный врач района, Карл не подавал признаков жизни. Впоследствии врач и начальник отдела убийств говорили, что в первый миг приняли его за мертвого.

Карл долго оставался в полубомбочном состоянии, в голове проносились отчаянные мысли. Медики проверили его пульс и уехали, забрав всех троих. Только в больнице он открыл глаза. Говорили, что у него был мертвый взгляд.

Все подумали, что это от шока, на самом же деле от стыда.

– С вами все в порядке? – спросил чей-то голос.

Карл оторвался от стенки и увидел рядом мужчину лет тридцати пяти в медицинском халате.

– Я только что побывал у Харди Хеннингсена.

– Харди. Да. Вы его родственник?

– Нет, коллега. Я был начальником Харди по следственной бригаде отдела убийств.

– А, понятно!

– Каков его прогноз? Харди встанет на ноги?

Лицо молодого врача приняло отстраненное выражение. Ответ был ясен: Карла не касается, как идут дела пациента.

– К сожалению, я не могу обсуждать положение больного ни с кем, кроме родственников. Вы должны понять.

Карл схватил врача за локоть:

– Я был с ним, когда это случилось. Вы это понимаете? Меня тоже ранили. Один из наших коллег погиб. Мы пережили это вместе, поэтому я хочу знать, встанет ли он на ноги. Вы можете мне это сказать?

– Извините. – Доктор вырвался и оттолкнул руку Карла. – Наверное, вы сумеете служебным путем получить сведения о состоянии Харди Хеннингсена, но я не имею права ничего рассказывать. Будем каждый делать свою работу.

Несмотря на молодость, он успел набраться солидных докторских манер: авторитетность в голосе, приподнятые брови. Ничего удивительного, но Карл тут же вспыхнул и с трудом сдержал желание врезать парню по башке. Вместо этого он схватил его за ворот и рывком притянул почти вплотную к себе.

– Выполнять свою работу! – прошипел он. – Чем надувать щеки, давай-ка лучше убери с лица эту самодовольную мещанскую мину, дружок! Ты меня понял?

Он так стиснул ворот доктора, что тот заметно занервничал.

– Если в двадцать два часа твоя дочь еще не вернется домой как положено, то бежать и разыскивать ее отправимся мы, и когда твою жену изнасилуют или твой поганый бежевый «БМВ» пропадет со стоянки, опять прибежим мы. Все это – наша работа, и тебя утешать тоже нам. Ты слышишь меня, жучок зачуханный? Еще раз спрашиваю: встанет Харди на ноги?

Когда Карл наконец отпустил его ворот, доктор еще некоторое время пыхтел, пытаясь отдышаться.

– Я езжу на «мерседесе» и не женат, – пробурчал он потом.

До человека в белом халате дошло, в каком состоянии находится собеседник. Должно быть, в памяти всплыло что-то из курса психологии, затесавшегося между лекциями по анатомии. Наверняка его учили, что иногда юмор помогает разрядить ситуацию. Однако в случае с Карлом это не помогло.

– Поди к министру здравоохранения, ублюдок, там увидишь, как выглядит настоящее высокомерие, – бросил Карл, отталкивая доктора. – Тебе еще многому предстоит научиться.

На работе его уже поджидали сам начальник отдела убийств и Ларс Бьёрн. Это был тревожный сигнал, говоривший о том, что вопли обиженного доктора уже долетели до них, несмотря на толстые больничные стены. Карл бросил на старших коллег изучающий взгляд. Нет, пожалуй, больше похоже на то, что в их бюрократические мозги кто-то заронил очередную дурацкую идею. От него не ускользнул взгляд, которым они обменялись. Может, тут попахивает дружеской помощью товарищу, попавшему в трудную ситуацию? Уж не собираются ли они снова запихать его в больницу для бесед с психологом на тему правильного понимания и лечения посттравматического синдрома? Неужели его ожидает еще один специалист с проницательным взглядом, который полезет в потаенные мысли Карла, начнет копать в сказанном и недосказанном? Зря стараются! Карл не собирался идти у них на поводу. Его проблема не из тех, которые решаются разговорами. Она давно уже назревала, и теперь чаша переполнилась.

А пошли они все подальше!

– Да, Карл, – произнес начальник отдела убийств, кивком указывая на пустующий стул. – Мы с Ларсом долго размышляли над твоей ситуацией, и, как нам кажется, мы с тобой во всех смыслах стоим на перепутье.

Это уже походило на увольнение! Карл забарабанил пальцами по столу и возвел глаза к потолку, стараясь не встречаться взглядом с начальником. Значит, решил уволить? Так просто не выйдет!

За окном над парком Тиволи клубились тучи, грозившие разразиться дождем. Если они уволят его, он сразу уйдет, не дожидаясь, когда сверху польет. Бегать к уполномоченному по правам с этим не стоит. Он отправится прямо в профсоюз на бульваре Ханса Кристиана Андерсена. Увольнять хорошего работника через неделю после выхода с больничного, через два месяца после ранения, при котором он потерял двух товарищей из своей бригады, – этот номер у них не пройдет! Старейший в стране Союз полицейских покажет, что не зря существует столько лет.

– Я понимаю, Карл, для тебя это неожиданность. Тебе требуется перемена обстановки, и все будет устроено так, чтобы наилучшим образом использовать твой выдающийся талант сыщика. Мы решили повысить тебя в должности, сделав начальником нового отдела. Он будет называться отдел «Q». На него возлагается задача расследовать зависшие дела, представляющие особый общественный интерес. Которые требуют, так сказать, приоритетного внимания.

– Вот тебе на! – подумал вслух Карл и откинулся на спинку стула.

– Да, тебе придется тянуть этот отдел в одиночку, но кто, кроме тебя, с этим справится?

– Кто угодно! – отозвался Карл, глядя в стенку.

– Постарайся выслушать! У тебя был тяжелый период, и эта работа просто создана для тебя, – вмешался заместитель.

«Ты-то что в этом смыслишь, несчастный!» – подумал Карл.

– Ты будешь действовать полностью самостоятельно. Мы посоветуемся с начальниками округов и отберем некоторое количество дел, и ты сам будешь решать, каким из них нужно отдать предпочтение, в каком порядке ими заниматься и как планировать работу. Мы откроем тебе счет на затраты по разъездам, и отчет ты будешь подавать только раз в месяц, – добавил шеф.

– Начальники округов, говоришь? – Карл нахмурился.

– Да, это охватывает всю страну. Поэтому ты не можешь оставаться среди прежних коллег. Мы создали здесь же, в управлении, новое отделение. Уже идет подготовка твоего рабочего помещения.

«Ловко они придумали, как избежать неприятных объяснений», – отметил Карл.

– Вот как! И где же, позвольте спросить, находится это рабочее помещение? – поинтересовался он вслух.

На улыбающемся лице шефа появилось смущенное выражение.

– Где твой кабинет? Ну, в настоящий момент он располагается в подвале, но в дальнейшем, надеюсь, положение улучшится. Нужно сперва посмотреть, как пойдет дело. Если появится мало-мальски приличный процент раскрываемости, тогда будет видно.

Карл снова устремил взгляд на облака. Значит, в подвале. То есть план состоит в том, чтобы расправиться с ним втихаря. Уморить его одиночеством, изолировать, как на необитаемом острове, чтобы он там впал в тоску и свихнулся. И какая разница, наверху или в подвале! Все равно он всегда будет делать все по-своему. Вот только сейчас он не мог поделаться ровным счетом ничего.

– Кстати, как там Харди? – спросил шеф после затянувшейся паузы.

Карл перевел взгляд на начальника. За все это время тот впервые обратился к нему с вопросом.

5

2002 год

По вечерам Мерета принадлежала себе. Возвращаясь домой, она на каждом светофоре словно бы сбрасывала часть всего того, что не подходило к ее истинной жизни, протекавшей за тисами Маглебю. Очутившись за поворотом, за которым открывались дремлющие просторы Стивнса⁷, и переехав мост через речку Трюгтевельде, она ощутила себя другим человеком.

Уффе, как обычно, сидел на диване с остывшей чашкой чая на столике, озаренный светом телевизионного экрана; звук был включен на полную мощность. Поставив машину в гараж, Мерета направилась к задней двери и, проходя мимо окна, ясно увидела, как он там сидит – все тот же Уффе, тихий и неподвижный.

Скинув туфли на высоком каблуке, она оставила их в подсобном помещении, забросила портфель на высокую печь нефтяного отопления, повесила в прихожей пальто и отнесла бумаги в кабинет. Затем сняла брючный костюм от «Филиппы К.»⁸, сложила его на стул возле стиральной машины, сняла с вешалки халат и сунула ноги в домашние тапочки. Теперь все было как надо. Ей не требовалось, как некоторым, едва переступив порог, смывать с себя остатки рабочего дня под душем.

Порывшись в пластиковом пакете, Мерета достала с самого дна пачку конфет. Сунув одну в рот и повысив таким образом уровень сахара в крови, она ощутила готовность зайти в гостиную.

И только тогда крикнула:

– Привет, Уффе! Вот я и дома.

Всегда один и тот же ритуал. Она знала, что Уффе увидел свет фар, как только она выехала из-за холма, однако все должно идти своим чередом.

Она села напротив него и попыталась поймать его взгляд:

– Ау, приятель! Ну что? Смотришь новости и любишь на Трину Сик?

Он сощурился так, что морщинки в уголках глаз разбежались до висков, но не оторвался от телевизора.

– Ишь ты, заядлый болельщик! – Она взяла его за руку, как всегда теплую и вялую. – Но Лота Мейлиде тебе нравится больше. Думаешь, я не знаю?

На его лице стала медленно расплываться улыбка. Контакт был установлен. Да, где-то там, в глубине, жил прежний Уффе. И прекрасно знал, чего ему хочется в жизни больше всего.

Мерета повернулась к телевизору, и они вместе посмотрели последние два сюжета новостей. В первом речь шла о требовании Совета по питанию о введении запрета на промышленное производство трансжирных кислот, во втором – о провальной маркетинговой кампании, которую при поддержке государства проводила компания по производству мяса птицы. Обе темы были Мерете досконально известны: работа над ними стоила ей двух бессонных ночей.

Обернувшись к Уффе, она потрепала его за вихор; под волосами был замечен длинный шрам.

– Пошли, лентяй! Пора чего-нибудь поесть.

Ухватив свободной рукой одну из диванных подушек, она хлопнула его по затылку и не отстала, пока он не завизжал от хохота, отбиваясь руками и ногами. Тогда она отпустила его волосы, перепрыгнула через диван, будто горная коза, и помчалась на лестницу. Это был беспроегрышный прием. С громкими возгласами Уффе, заливаясь хохотом от радости, кинулся за ней, наконец-то дав выход накопленной за время сидения энергии. Как два железнодорожных

⁷ Стивнс – мыс и коммуна в регионе Зеландия.

⁸ Имеется в виду шведская фирма готовой одежды, основанная Филиппой Кнутссон в 1993 году.

вагона, скрепленных стальным сцеплением, они с грохотом взлетели по ступенькам на второй этаж и ворвались в кухню. Скоро они устроятся перед телевизором и съедят то, что наготовила для них приходящая домработница. Вчера они смотрели мистера Бина, позавчера Чаплина. Сегодня снова на очереди мистер Бин. Коллекция видеодисков Мереты и Уффе в основном состояла из того, что любил смотреть Уффе. Обыкновенно, посидев перед телевизором полчаса, он засыпал. Когда это произойдет, она накроет его пледом и оставит спать на диване. Ночью он потом сам встанет и переберется в спальню. Там он возьмет ее за руку и, что-то пробормотав спросонья, устроится рядом с ней на двуспальной кровати. Когда он окончательно заснет, она под его посапывание включит свет и начнет готовиться к предстоящему дню.

Так повелось. И этот вечер и ночь пройдут так же. Потому что так нравится ее братику – милому, невинному мальчику. Бедному, бессловесному Уффе.

6

2007 год

На двери действительно обнаружилась медная табличка с надписью «Отдел „Q“», но сама дверь была снята с петель и прислонена к трубам центрального отопления, которые тянулись через длинные коридоры подвала. На полу закутка, по-видимому отведенного под кабинет Карла, еще стояли десять полупустых ведер с краской, распространяя резкий запах. Под потолком проходили трубы четырех люминесцентных ламп, через некоторое время вызывающих зверскую головную боль. Зато стены были превосходные – если только отвлечься от цвета, в который они были покрашены. Более всего он подошел бы стенам больницы в какой-нибудь восточноевропейской стране.

– Bravo, Маркус Якобсен, – буркнул Карл и принялся осматривать свои владения.

Последние сто метров длинного коридора были ему незнакомы – туда он еще никогда не заглядывал. В том конце коридора, где располагался его кабинет, не было ни души – а также дневного света, или воздуха, или чего-либо еще, способного отвлечь от воспоминаний об «Архипелаге ГУЛАГ». И вообще эту кишку так и хотелось назвать гнилым отстойником.

Карл взглянул на два новеньких компьютера с ворохом проводов. Судя по всему, тут были две отдельные информационные сети: один компьютер подсоединен к внутренней сети, а другой – к остальному миру. Карл ласково похлопал по компьютеру номер два. Итак, сидя здесь, он может путешествовать по Интернету сколько вздумается. Никаких тебе стеснительных правил, обеспечивающих безопасность центральных серверов. Это уже кое-что! Он огляделся в поисках чего-нибудь такого, что можно использовать как пепельницу, и вытряхнул сигарету из пачки «Грэн Сесиль». На пачке было написано: «Курение крайне опасно для вас и вашего окружения». Он снова огляделся: окружения особого не наблюдалось, а если пара мокриц околеет, не беда. Карл зажег сигарету и глубоко затянулся. Пожалуй, у должности начальника отдела есть свои преимущества!

– Дела мы тебе пришлем, – пообещал на прощание Маркус Якобсен, однако на столе и на полках не было ничего – ни одного листочка.

Вероятно, наверху сочли, что ему нужно время освоиться на новом месте, прежде чем погрузиться в бумаги. Но Карла это нисколько не волновало: ничего он не будет тут обустривать, пока на него не снизойдет вдохновение.

Он пододвинул конторское кресло и уселся, положив вытянутые ноги на край стола. В такой позе он провел почти все время на больничном. Первые недели только смотрел перед собой, смолит сигареты и старался не вспоминать, как лежал, придавленный тяжестью большого тела Харди, а в ушах у него стояли предсмертные хрипы Анкера. Потом он принялся странствовать по Интернету – без всякой цели и плана, просто чтобы заглушить все мысли. Тем же он собирался заняться и теперь.

Карл взглянул на часы. Прежде чем идти домой, предстояло убить пять часов.

Жил Карл в Аллерёде – так хотела жена. Они переехали туда за несколько лет до того, как она от него ушла и поселилась в садовом домике в Ислеве. А тогда она посмотрела карту Зеландии и быстро вычислила: если хочешь чего-то особенного, нужно иметь толстый кошелек, а так лучше уж Аллерёд. Хорошенький городок, есть электричка, вокруг поля, до леса можно дойти пешком, множество уютных магазинчиков, кинотеатр, театр, разные кружки, а ко всему прочему еще и парк Рённехолт. Жена была в восторге. Тут можно за доступную цену купить жилье в панельном таунхаусе, в котором хватит места для них с мужем и для ее сына, а в придачу получить право пользоваться теннисными кортами, бассейном и общественным центром, проводя жизнь в окружении хлебных полей, торфяников и множества добрых соседей. Потому что она прочла, будто в парке Рённехолт люди внимательны друг к другу. В то

время Карлу это не казалось преимуществом: кто же поверит в такую чушь! Но впоследствии оказалось, что это действительно так. Без друзей из парка Рённехолт Карлу вообще пришел бы каюк в материальном и моральном смысле. Сперва от него ушла жена, но разводиться не захотела, а осталась жить в садовом домике. Потом она обзавелась любовником гораздо моложе себя и заодно дурной привычкой рассказывать о нем Карлу по телефону. Потом ее сын в самый разгар пубертатного возраста отказался жить с ней и вернулся к Карлу. И в довершение всего произошла перестрелка на Амагере, которая отняла у него последнее, за что он еще как-то держался: смысл жизни и хороших товарищей, которые с пониманием относились к нему, когда видели, что он встал не с той ноги. Нет, если бы не парк Рённехолт и не люди, которые его там окружали, дело было бы совсем дрянью.

Вернувшись к себе и поставив велосипед в сарай возле кухни, Карл сразу понял, что двое других жильцов тоже дома. Мортен Холланн, снимавший у него комнату в подвале, по обыкновению на полную мощность включил оперу, а у пасынка на втором этаже из окна вырывался оглушительный грохот скачанного из Интернета тяжелого рока. Более уродливого звукового коллажа невозможно было бы отыскать в целом свете.

Вступив в этот ад, Карл раз-другой топнул, и звуки «Риголетто» в подвале тотчас же поутихли, словно приглушенные подушкой. Труднее было с мальчиком наверху. В три широких шага Карл поднялся по лестнице, без стука заглянул в дверь, не тратя зря времени на церемонии, и заорал что есть мочи:

– Сколько можно, Йеспер, это же черт знает что! Звуковыми волнами высадило два окна на Сосновой Поляне. Платить за них будешь сам!

Такое мальчишка уже слышал от Карла не раз, поэтому согнутая над клавиатурой спина даже не шелохнулась.

– Эй! – крикнул Карл ему в самое ухо. – Уменьши звук, или я перережу провод от модема! Громкость чуть-чуть убавилась.

Внизу Мортен уже расставил на кухонном столе тарелки. Один из соседей по таунхаусу назвал его как-то суррогатной домохозяйкой, но это было неправильно. Мортен был не суррогатной, а самой лучшей из всех домохозяек, каких когда-либо доводилось встречать Карлу. Он делал все: ходил в магазин, стирал белье, готовил еду и убирал в доме, распевая при этом оперные арии. А еще платил за квартиру.

– Мортен, ты был сегодня в университете? – спросил Карл, заранее зная ответ.

Жильцу уже стукнуло тридцать три года, и последние тринадцать лет он прилежно занимался, изучая все, что угодно, кроме тех предметов, которые имели отношение к его трем специальным курсам. Результатом были поразительные познания во всех областях, кроме той, на изучение которой он получал государственное пособие и которая, как предполагалось, должна была впоследствии стать его профессией.

Мортен повернулся, отгородившись от Карла мощной жирной спиной, и злобным взглядом уставился в булькающую на огне кастрюлю.

– Я решил перейти на государственное образование.

Об этом он уже говорил, так что переход был вопросом времени.

– Черт возьми! Не лучше ли все-таки закончить сначала политологию?

– На политологии большинство голосует за правительственные партии, это не по мне. – Мортен бросил в кастрюлю щепотку соли и принялся мешать.

– Да ты-то откуда об этом знаешь? Ты же туда и не ходишь!

– Вчера я там был. Рассказал своей группе анекдот про Карину Йенсен.

– Подумаешь: политик начал на крайнем левом фланге и в конце концов перешел к либералам. Что тут такого уж страшного?

– Я сказал, что она служит примером того, как за высоколобой внешностью может скрываться совершенно низколобая личность. Они не смеялись.

Странностей у Мортена хватало. Это был вечный студент-переросток, почти бесполое существо с повадками старой девы. Его общественная деятельность ограничивалась замечаниями в адрес других посетителей магазинов по поводу их покупок или коротким обменом мнениями у прилавка с морожеными овощами насчет того, как лучше готовить шпинат – со сливками или без.

– Ну и что, что они не смеялись! Мало ли какая могла быть причина. Я ведь тоже не смеюсь, а я, если хочешь знать, не голосую за правительственные партии.

Карл покачал головой. Спорить с Мортеном было бесполезно. Но пока он прилично зарабатывает в пункте проката видеофильмов, не так уж и важно, учится он в университете или нет.

– Так ты говоришь – государствоведение? Муторная штука, наверное.

Мортен пожал плечами и кинул в кастрюлю несколько очищенных морковок. Он даже умолк ненадолго, что было для него очень необычно. Поэтому Карл сразу понял, в чем дело.

– Звонила Вигга, – выговорил наконец Мортен немного встревоженным голосом и тотчас же отодвинулся подальше.

В подобных случаях он обыкновенно добавлял: «Don't shoot me. I'm only the piano player»⁹. Но сейчас этих слов не последовало.

Карл воздержался от комментариев. Если Вигге что-то от него нужно, могла бы позвонить попозже, когда он придет с работы.

– Кажется, она замерзла, в садовом домике холодно, – осмелился предположить Мортен, помешивая в кастрюльке.

Карл обернулся. Из кастрюльки поднимался чертовски вкусный запах. Он давно уже не чувствовал такого хорошего аппетита.

– Замерзла, говоришь? Взяла бы да запихала в печку парочку своих откормленных любовников.

– О чем это вы? – послышалось с порога.

Йеспер открыл свою дверь, и от какофонии, что вырвалась из комнаты за его спиной, задрожали перегородки в коридоре.

Удивительно, что они вообще могли расслышать друг друга.

После трех дней, проведенных за лазанием по Интернету и глазением в пустую стену, Карл успел до миллиметра изучить расстояние до своего отстойника, зато давно уже не чувствовал себя таким выпавшимся, как сейчас. Поэтому, поднимаясь в отдел убийств, он бодро одолел четыреста пятьдесят две ступени между подвалом и хорами третьего этажа, где располагались его прежние сослуживцы. Он собирался потребовать, чтобы в подвале наконец завершили ремонтные работы и навесили дверь кабинета, чтобы при желании ею можно было хлопнуть. А кроме того, он хотел осторожно напомнить коллегам о том, что ему до сих пор еще не передали папки с делами. Это, правда, не горит, однако он не хотел бы потерять работу, даже не успев к ней приступить.

Как он и ожидал, коллеги встретили его любопытными взглядами. Интересно же, стоит ли он на грани нервного срыва? Приобрел ли от пребывания в вечном мраке землистый цвет лица? Он готовился встретить вопросительные или злорадные взгляды, но для него все же стало неожиданностью, когда при его появлении по коридорам поднялось слаженное хлопанье всех дверей.

– Что это тут происходит? – спросил он у парня, которого раньше никогда здесь не встречал. Тот распаковывал привезенную мебель.

Парень протянул ему руку:

– Петер Вестервиг из участка Центрального района. Я буду работать в команде Вигго.

⁹ «Не стреляй в меня! Я всего лишь пианист»(англ.).

– В команде Вигго? Вигго Бринка? – удивился Карл. – Вигго – начальник оперативной группы? Значит, его назначили только вчера.

– Да. А кто ты? – Парень сам взял и пожал руку Карла.

Ответив коротким пожатием, Карл, ничего не сказав, стал осматриваться вокруг и обнаружил еще два незнакомых лица.

– Тоже из команды Вигго?

– Только тот, у окна.

– Я смотрю, тут новая мебель.

– Да, только что занесли. Ты, наверное, Карл Мёрк?

– Был когда-то, – бросил Карл и шагнул к кабинету Маркуса Якобсена.

Дверь была открыта, но и закрытая не помешала бы ему войти без спроса.

– Никак у вас в отделе прибавилось народа? – спросил он без предисловий, прервав совещание.

Обменявшись выразительным взглядом со своим заместителем и девушкой-секретаршей: дескать, что с него возьмешь? – начальник отдела убийств обратился к вошедшему:

– Хорошо. Карл Мёрк явился из подземного царства. Продолжим через полчаса, – сказал он присутствующим и собрал в стопку разложенные на столе бумаги.

Карл проводил мрачной улыбкой удаляющегося заместителя, который отплатил ему тем же. Вице-инспектор криминальной службы Ларс Бьёрн, со своей стороны, всегда поддерживал должную температуру в их прохладных отношениях.

– Ну, Карл, как у тебя там внизу? Успел уже разобраться с очередностью дел?

– Можно сказать, что да. По крайней мере, с теми из них, которые до меня дошли. А что тут у вас делается? – спросил Карл, ткнув пальцем себе за спину.

– Да уж, тут действительно есть о чем рассказать! – Подняв брови, Маркус поправил «пизанскую башню» – так подчиненные прозвали громоздившуюся у него на столе стопку из только что поступивших папок. – При таком количестве дел потребовалось образовать еще две новые следовательские группы.

– Взамен моей? – криво усмехнулся Карл.

– Да. Прибавив к ней еще две.

Карл хмуро сдвинул брови:

– Три группы. И откуда же, черт возьми, взялось на них финансирование?

– Из дополнительных ассигнований в результате перерасчета, произведенного в связи с реформированием. Ты же понимаешь!

– Понимаю ли я? Откуда мне, черт возьми!

– Ты пришел с каким-то определенным вопросом?

– Да. Но, пожалуй, это может и подождать. Сначала мне надо кое-что узнать. Зайду попозже.

Все знали, что многие представители партии консерваторов связаны с деловыми кругами: они выступали дружным фронтом и действовали так, как было угодно организациям промышленников. Но эта партия, имея самую отлаженную систему поддержки, бог весть по каким причинам всегда привлекала в свои ряды деятелей из состава армии и полиции. Сейчас, насколько было известно Карлу, в числе депутатов фолькетинга имелось по крайней мере двое таких. Один был ловкач, для которого служба в полиции являлась лишь способом проскочить впоследствии туда, куда ему надо, зато другой – порядочный старый вице-комиссар криминальной полиции, знакомый Карла по службе в городе Раннерсе. По своим убеждениям он не относился к рьяным консерваторам, а просто был родом из того округа, от которого его выбрали, к тому же работа в Кристиансборге неплохо оплачивалась. Поэтому Курт Хансен из Раннерса согласился баллотироваться в фолькетинг от Консервативной партии и в качестве члена комитета по вопросам права стал для Карла лучшим источником информации из области политики. Курт

говорил не все, что знал, но легко заводился, когда попадалось какое-то интересное дело. Карл и не догадывался, сколько любопытного узнает из разговора с ним.

– Господин вице-комиссар Хансен, я полагаю? – сказал он, услышав знакомый голос в телефонной трубке.

В ответ прозвучал добродушный басовитый смех:

– Что поделаешь, Карл! С тех пор много воды утекло. Страшно рад слышать твой голос. Говорят, тебя ранили.

– Пустяки, Курт. Ничего страшного. Я жив и здоров.

– Двоим твоим товарищам потяжелее пришлось. Это дело как-то продвинулось?

– Продвигается помаленьку.

– Искренне рад. Мы тут как раз работаем над проектом закона, который на тридцать процентов повысит наказание за преступление против полицейского, находящегося при исполнении служебных обязанностей. Думаю, это поможет. Надо же поддержать вас, стоящих на баррикадах!

– Хорошее дело, Курт. Слышал, что вы, кроме того, поддержали копенгагенский отдел убийств, выделив ему дополнительные ассигнования.

– Нет, такого, по-моему, не было.

– Ну, если не отдел убийств, значит какой-то другой отдел полицейской префектуры. Или это что-то секретное?

– Какая тут может быть секретность, если речь идет об ассигнованиях? – Курт засмеялся тем благодушным смехом, каким смеются люди, обеспеченные солидной пенсией.

– Так кому же вы там выделили ассигнования, можно узнать? Они были направлены в государственную полицию?

– Да. Вообще-то, этот отдел подведомствен Национальному центру расследований, но во избежание того, чтобы одни и те же дела дважды расследовались одними и теми же людьми, было решено организовать специальный отдел, административно приписанный к отделу по расследованию убийств. Он будет заниматься делами, заслуживающими особого внимания. Да ты и сам это, наверное, знаешь.

– Ты имеешь в виду отдел «Q»?

– Значит, вот как оно у вас называется? Отлично придумано!

– Какая сумма на него ассигнована?

– За точность не могу поручиться, но что-то от шести до восьми миллионов в год на ближайшие десять лет.

Карл обвел взглядом светло-зеленые стены подвала. Ладно! Теперь понятно, почему Маркус Якобсен и Ларс Бьёрн так настойчиво стремились депортировать его на эту ничейную землю. От шести до восьми миллионов в год! И вся эта благодать застряла в загнивших убойного отдела.

Черт побери! Пускай не надеются, что это им сойдет с рук!

Начальник отдела еще раз посмотрел на Карла, потом снял бифокальные очки. С таким же точно выражением он обычно разглядывал место происшествия со смазанными следами.

– Говоришь, хочешь собственную служебную машину? Неужели я должен напоминать тебе, что в полиции Копенгагена никому не положено личного автомобиля? Обращайся в служебный гараж, и тебе, когда потребуется, будут выделять машину. Как и всем, Карл, так полагается по правилам.

– Я работаю не в копенгагенской полиции. К вам я только приписан административно.

– Карл, ты ведь понимаешь, что, если поставить тебя в особое положение, это вызовет у остальных большое недовольство. Да еще предоставь в твоё распоряжение шесть человек! Ты что, совсем спятил?

– Я всего лишь хочу организовать отдел «Q» так, чтобы он мог выполнять поставленные задачи. Разве не для этого я назначен? Вы же понимаете, что для деятельности, охватывающей всю территорию Дании, требуются соответствующие силы. Так, значит, вы не желаете выделить мне шесть человек?

– Нет, черт возьми!

– Четырех? Трех?

Начальник отдела энергично замотал головой.

– Выходит, я один должен выполнять всю работу?

Начальник кивнул.

– В таком случае вам должно быть ясно, что я не могу обойтись без постоянного доступа к служебной машине. Вдруг мне понадобится ехать в Ольборг или Нэствед? И работы у меня невпроворот. Я даже еще не знаю, сколько дел ляжет ко мне на стол. – Усевшись напротив шефа, Карл налил кофе в чашку, оставленную заместителем. – Но как бы там ни было, мне в любом случае требуется помощник. Такой, чтобы имел водительские права и выполнял разные поручения – послать факс и всякое такое. Убирать помещение. Я слишком занят, Маркус. Мы же хотим работать результативно. Фолькетинг ведь желает, чтобы от его денежек была отдача, да? Кажется, там было что-то вроде восьми миллионов? Действительно, немалые деньги!

7

2002 год

Перечень всех обязанностей заместителя вице-председателя парламентской фракции демократов не мог бы вместить ни один еженедельник. С семи утра и до пяти вечера Мерете предстояли четырнадцать встреч с делегациями от различных групп. В качестве докладчика по вопросам здравоохранения она должна была провести собеседование с участием сорока человек; никого из них она не знала в лицо, но большинство будут ожидать, что она знает, кто они такие, чем занимаются, какие надежды возлагают на будущее и в каких областях науки работают. Если бы это совещание готовила Марианна, у Мереты была бы надежда как-то справиться с этой задачей, но ее новый секретарь Сёс Норуп оказалась не так расторопна. Зато она вела себя тактично и за месяц работы не позволила себе ни одного вопроса личного характера. Она была живым роботом, хотя и не обладала идеальной памятью.

Организация, которая сейчас расположилась в зале заседаний, делала так называемый общий обход, встречаясь со всеми партиями фолькетинга. До встречи с Меретой она уже побеседовала с правительственными партиями; сейчас настал черед крупнейших оппозиционных партий, а следовательно, и Мереты Люнггор. Группа находилась в довольно нервном состоянии, и в этом не было ничего удивительного, так как очень многих в правительстве беспокоил скандал в Фаруме и обвинения, выдвинутые его бургомистром против ряда министров.

Делегация из всех сил старалась посвятить Мерету в проблему возможного негативного влияния наночастиц на здоровье населения, растолковать ей все про магнитное управление переносом частиц в организме, работу иммунной системы, рассказать о молекулярных маркерах и исследованиях плаценты. Последнее было главной темой обсуждения.

– Мы полностью отдаем себе отчет в том, какие в связи с этим возникают этические проблемы, – заявил возглавлявший группу докладчик. – Поэтому мы также знаем, что некоторые правительственные партии представляют интересы таких групп населения, которые будут не согласны с широкомасштабным сбором плаценты, но этот вопрос все равно придется вынести на обсуждение.

Оратор был элегантным мужчиной сорока с лишним лет. Он уже давно сделал на этом поприще миллионы и являлся основателем пресловутого центра медицинских разработок «БейзикГен», который главным образом занимался проведением фундаментальных исследований для других, более крупных предприятий медицинской промышленности. Всякий раз, придумав что-то новенькое, он заявлялся с этой идеей к докладчикам фолькетинга по здравоохранению. Остальные члены группы были Мерете незнакомы, но она обратила внимание на молодого человека, который пристально смотрел на нее из-за спины оратора. К словам выступавшего он добавил лишь несколько фактов. Возможно, он присутствовал здесь в качестве наблюдателя.

– Да, это Даниэль Хейл, лучший сотрудник нашей лаборатории. Звучит на английский лад, но на самом деле Даниэль коренной датчанин, – представил его руководитель группы после своего выступления, когда Мерета знакомилась с каждым в отдельности.

Пожимая ему руку, Мерета мельком удивилась, как горяча его ладонь.

– Даниэль Хейл? Я не ошиблась? – спросила она.

Он улыбнулся. На секунду она отвела глаза. Как неудобно!

Мерета посмотрела на своего секретаря – это лицо было самым привычным и успокоительным, на чем тут можно было остановить взгляд. Если бы на месте Сёс находилась Марианна, она бы понимающе улыбнулась ей из-за пачки документов, которые всегда держала в руке. Сёс не улыбалась.

– Вы работаете в лаборатории? – спросила Мерета.

Но руководитель группы не дал им поговорить, не желая терять ни одной из предоставленных ему драгоценных минут. Уже сейчас за дверью дожидалась следующая организация. Когда еще выпадет такой шанс, невозможно было сказать заранее. На кону стояли деньги и время, которое тоже дорого.

– Даниэль – хозяин лучшей маленькой лаборатории во всей Скандинавии. Впрочем, с тех пор как ты обзавелся новыми зданиями, она уже и не маленькая, – сказал он, повернувшись к молодому человеку, который с улыбкой покачал головой. Улыбка у него была на загляденье. – Мы просим позволения оставить здесь этот доклад, – продолжал руководитель. – Может быть, госпожа докладчик по вопросам здравоохранения, выбрав время, захочет с ним внимательно ознакомиться. Для наших потомков чрезвычайно важно, чтобы мы уже сейчас отнеслись к этой проблеме со всем вниманием.

В перерыве спустившись в Снапстинг¹⁰, Мерета не ожидала столкнуться с Даниэлем. Как ей показалось, он ее там поджидал. Все остальные дни недели она перекусывала у себя в кабинете, но в последний год у нее стало привычкой ходить по пятницам сюда, чтобы поесть в компании двух других членов комиссии по здравоохранению от партии социалистов и радикалов-центристов. Все три были решительные женщины, способные до белого каления представителей Датской партии. Уже то, что они открыто собирались в один кружок, для многих было бельмом в глазу.

Даниэль в одиночестве сидел с чашечкой кофе на краешке стула, пристроившись позади колонны. Войдя в стеклянную дверь, Мерета сразу встретила с ним взглядом и все время, пока была в столовой, уже ни о чем другом не могла думать.

Когда женщины поднялись из-за стола, он подошел к ней.

Она заметила, как вокруг зашумели, но чувствовала себя словно загипнотизированной.

¹⁰ *Снапстинг* – шутовское название столовой фолькетинга («снапс» значит «водка»).

8

2007 год

Наконец-то Карл остался более или менее доволен. Все утро рабочие возились у него в подвале. Сам он пережидал в коридоре, время от времени заваривая кофе на сервировочном столике и успев выкурить изрядное количество сигарет.

И вот пол в так называемом кабинете начальника отдела «Q» украсился ковровым покрытием, ведерки с краской и прочее уложили в гигантские пластиковые мешки, дверь была возвращена на свое место в проеме, установлены телевизор с плоским экраном, электронная доска и простая доска для объявлений, полки заполнены его старыми юридическими справочниками, на которые кто-то, вероятно, мысленно уже наложил лапу. В кармане брюк звенели ключи от синего «Пежо-607», только что сданного разведывательным отделением полиции: оно не могло допустить, чтобы его работники разъезжали в составе королевского кортежа на машине с поцарапанным покрытием. Машина прошла только сорок пять тысяч километров и была передана в исключительное пользование отдела «Q». Подумать только, как шикарно такая красавица будет выглядеть на Магнолиеванген! Всего-то в двадцати метрах от окна его спальни.

Со дня на день ему должны были прислать помощника. Во всяком случае, обещали. Карл велел освободить для него каморку на другой стороне коридора. Это помещение раньше служило для хранения списанных шлемов и щитов дежурного отряда, пришедших в негодность после беспорядков вокруг Молодежного дома, теперь же его оборудовали люминесцентными лампами и снабдили столом, стульями, шкафом для хранения ведер и швабр, которые Карл повыбрасывал из своего кабинета. Маркус Якобсен поймал Карла на слове и нанял уборщика, который должен был также выполнять всевозможные поручения, но поставил условие, чтобы тот убирался и в остальной части подвала. Карл решил избавиться от подчиненного при первом удобном случае, и Маркус Якобсен наверняка об этом догадывался. Это была такая игра: кто возьмет верх и сможет что-то у другого выторговать. Так или иначе, а пока что Карл сидит в темном подвале, в то время как другие – наверху, с видом на Тиволи. Ты мне, я тебе – глядишь, и устанавливается баланс.

В час дня наконец пришли две секретарши и принесли дела. Они сказали, что здесь представлены только выводы следствия и, если ему для полноты картины потребуются другие относящиеся сюда документы, он может их затребовать. Таким образом, у него хотя бы появились посредники, через которых можно было вести диалог со своим прежним местом службы. С одной из секретарш, которую звали Лиза, приветливой светловолосой девушкой с немного неровными зубками, он с удовольствием завел бы и не только деловые контакты.

Он попросил обеих сложить свою ношу по краям стола и поинтересовался у светловолосой:

– Лиза, скажи, мне только померещился мелькнувший в твоих глазах кокетливый блеск или ты всегда так потрясающе выглядишь?

Темноволосая кинула на товарку такой взгляд, от которого сам Эйнштейн почувствовал бы себя дураком. Ей, вероятно, давно уже не приходилось слышать в свой адрес таких замечаний.

– Карл, дорогой, – как всегда, ответила светловолосая Лиза. – Блеск моих глаз предназначен только для моего мужа и детей. Когда ты это наконец усвоишь?

– Когда погаснет свет и вечная тьма окутает меня и весь мир, – ответил Карл. И это была не гипербола.

Еще не успев свернуть за угол, за которым была лестница, темноволосая уже начала нашептывать что-то на ушко своей напарнице, видимо давая выход досаде.

Первые два-три часа Карл даже не удосужился заглянуть в папки, но все же собрался с силами и пересчитал их: тоже ведь работа. Папок оказалось не меньше сорока, но он не торопился их открывать.

«Спешить некуда. До пенсии еще двадцать лет», – сказал он себе мысленно и для начала разложил несколько пасьянсов «Паук»: когда сойдется, он и начнет просматривать первую стопку.

На двадцать каком-то пасьянсе зазвонил мобильник. Взглянув на дисплей, Карл увидел незнакомый номер: какой-то там на тридцать пять – сорок пять, копенгагенский.

– Слушаю, – сказал он, ожидая, что в ответ раздастся взволнованный голос Вигги. У той всегда находилась какая-нибудь добрая душа, которая давала свой телефон попользоваться. «Мама, да купи ты себе наконец мобильник! – возмущался Йеспер. – Это же просто с ума сойти можно: каждый раз просить соседей, чтобы тебя подозвали».

Но и голос, раздавшийся в трубке, оказался совершенно незнакомым.

– Здравствуйте! С вами говорит Бирта Мартинсен из клиники спинномозговых повреждений. Сегодня утром Харди Хеннингсен попытался втянуть себе в легкие стакан воды. С ним все в порядке, но он очень подавлен и спрашивал про вас. Не смогли бы вы сюда подъехать? Мне кажется, это бы ему помогло.

Им с Харди позволили остаться наедине, хотя женщина-психолог, очевидно, очень хотела послушать их разговор.

– Что, старина? Надоело все это? – сказал Карл и взял больного за руку.

Рука не была полностью неподвижна, Карл и раньше это замечал. Сейчас последние фаланги среднего и указательного пальца немного согнулись, словно Харди хотел притянуть его ближе к себе.

– Что ты хочешь? – сказал Карл, склонившись над лежащим.

– Карл, убей меня! – прошептал Харди.

Карл выпрямился и посмотрел ему в глаза. У долговязого Харди глаза были небесно-голубые; сейчас их наполняли страдание, сомнение и горячая мольба.

– К черту! – прошептал Карл. – Я этого не буду делать. Ты встанешь. Встанешь и будешь ходить. У тебя же есть сын. Ему надо, чтобы ты вернулся домой. Ты понимаешь?

– Ему двадцать лет, он справится без меня, – прошептал Харди.

Он был в полном сознании, с ясной головой, и свою просьбу высказал всерьез.

– Не могу. Терпи, ты поправишься.

– У меня паралич, и это не лечится. Сегодня вынесли приговор. Ни черта я не встану.

– Как я понимаю, Харди Хеннингсен просил вас помочь ему уйти из жизни, – сказала женщина-психолог, надеясь вызвать Карла на откровенность.

В ее уверенном взгляде читалось, что ей не требуется ответа. Она не сомневалась в своей правоте, поскольку с такими вещами сталкивалась не впервые.

– Нет, не просил!

– Вот как?

– Тут совсем другое.

– Не могли бы вы тогда поделиться со мной тем, что он сказал?

– Да я бы с удовольствием. – Карл поджал губы и устремил взгляд на Хавневей. Вроде бы никто не смотрит. Даже странно.

– То есть вы не хотите?

– Вы бы покраснели, услышав это. Я не могу произнести такое в присутствии дамы.

– А вы попробуйте!

– Нет уж, лучше не буду.

9

2002 год

Мерета много слышала про маленькое кафе на улице Нансена со странными чучелами зверей, но до сих пор ни разу там не бывала. В «Банкроте» висело жужжание приглушенных голосов; дружелюбный взгляд теплых глаз и ледяной бокал белого вина – все обещало приятный вечер. Но едва она успела рассказать, что собирается на следующие выходные с братом в Берлин, куда они ездят один раз в год, и что жить они будут в районе Зоологического сада, как позвонила домработница и сообщила: на Уффе что-то нашло.

На мгновение Мерета прикрыла глаза, чтобы справиться с разочарованием. Не так уж часто она позволяла себе принять приглашение на свидание. И тут, как назло, он все испортил!

Через час она уже была дома, невзирая на слякоть и скользкие дороги. Без нее брата трясло, и почти весь вечер он проплакал. Такое иногда случалось, если Мерета задерживалась. Уффе не разговаривал, поэтому нелегко было догадаться, в чем дело. Порой могло даже показаться, что в нем вообще отсутствует человеческое сознание. Однако это было не так, Уффе все прекрасно сознавал. Домработница явно растерялась и так расстроилась, что позвала на помощь.

Только когда Мерета отвела Уффе в спальню и надела на него любимую бейсбольную кепку, он перестал плакать. Но не успокоился до конца, взгляд его оставался тревожным. Она попробовала развлечь брата рассказом о кафе, полном посетителей, о необычных звериных чучелах. Рассказывая ему о своих мыслях и впечатлениях, она видела, как он успокаивается. Так она поступала, еще когда он был десятилетним. Его заставляло плакать нечто всплывавшее из подсознания; там не было разницы между прошлым и настоящим, он по-прежнему оставался обыкновенным мальчиком, как до несчастья. Нет, не обыкновенным. Он был тогда удивительным мальчиком, чья голова была набита фантастическими идеями, и так много обещал в будущем. Но потом случилась беда.

В следующие несколько дней на Мерету свалилось столько дел, что она совсем закрутилась. И хотя ее мысли порой были заняты совсем другим, работу за нее все равно никто не мог сделать. В шесть часов утра она отправлялась на службу, а после напряженного трудового дня кидалась скорее в машину, чтобы в шесть часов вечера быть уже дома. На то, чтобы все обдумать и разложить по полочкам, просто не оставалось времени.

Поэтому, когда в один прекрасный день она увидела вдруг на своем рабочем столе большой букет цветов, это отнюдь не помогло ей собраться и настроиться на рабочий лад.

У новой секретарши был раздраженный вид. Она перешла сюда из ДСЮЭ¹¹, и там, по видимому, гораздо строже относились к разграничению частной жизни и работы. Марианна на ее месте пришла бы в неописуемый восторг и носилась бы с этим букетом, будто с полным набором королевских регалий. От новой секретарши, как видно, и впрямь не дождешься сочувствия в том, что касается личных дел. Но может, оно и к лучшему.

Три дня спустя Мерете прислали телеграмму-валентинку. Валентинку она получала впервые в жизни, и это вызвало у нее чувство неловкости, тем более что четырнадцатое февраля миновало две недели назад. На открытке было изображение губ и надпись по-английски: «Люблю и целую Мерету». Секретарша вручила ей это послание с негодующим лицом.

Внутри было написано: «Нужно поговорить!»

Прочитав это, Мерета еще некоторое время держала открытку в руке и качала головой, глядя на нарисованные губы.

¹¹ ДСЮЭ – датский союз юристов и экономистов, входящий в Центральную организацию работников умственного труда.

Мысленно она унеслась назад, к тому вечеру в «Банкроте». Вспомнить об этом было приятно, однако она подумала, что со всей этой чепухой нужно как можно скорее покончить, пока это не зашло слишком далеко.

Прикинув, что и как она скажет, Мерета набрала номер его телефона и стала ждать, когда заработает автоответчик.

– Привет, это Мерета, – сказала она спокойным голосом. – Я долго об этом думала, но поняла, что ничего не получится. Работа и брат отнимают у меня слишком много времени. Тут, по-видимому, никогда ничего не изменится. Я искренне сожалею об этом. Прости!

Затем она взяла со стола свой еженедельник и вычеркнула номер, по которому только что говорила.

Тут как раз в кабинет вошла секретарша и остановилась у письменного стола.

Когда Мерета подняла голову и взглянула на нее, та улыбалась, такой улыбки Мерета никогда раньше у нее не видела.

Он ждал, стоя без пальто на площадке лестницы, выходящей на площадь Ригсдага. Холод был собачий, и по его лицу было видно, что он продрог. Несмотря на разговоры о парниковом эффекте, погода не позволяла долго находиться на улице. Не обращая внимания на фотографа, который только что вошел во двор с площади, он смотрел на нее с мольбой. Мерета попыталась увлечь его в помещение, тянула за собой, но у нее не хватало сил сдвинуть с места такого крупного мужчину.

– Мерета! – тихо сказал он, беря ее за плечи. – Пожалуйста! Я этого не вынесу.

– Мне очень жаль. – Она отрицательно качнула головой.

Его взгляд вдруг изменился: в глазах опять проступило то темное, глубоко затаенное, что вызывало у нее беспокойство.

Фотограф у него за спиной поднял камеру. Этого еще не хватало! Сейчас ей меньше всего хотелось, чтобы их сфотографировал репортер какой-то бульварной газетенки.

– К сожалению, я ничего не могу поделать! – крикнула она на бегу, направляясь к своей машине. – Это совершенно невозможно.

Когда за едой сестра вдруг начала плакать, Уффе взглянул на нее удивленно, да и только. Он так же неспешно, как всегда, подносил ложку ко рту, улыбался при каждом глотке, смотрел не отрываясь на ее губы, но сам был где-то далеко.

– Черт побери! – воскликнула она сквозь слезы, стукнула кулаком по столу и бросила на Уффе недобрый взгляд.

Ее душу заполняла досада. К сожалению, с некоторых пор это случалось все чаще.

Проснувшись, она отчетливо вспомнила свой сон. Воспоминание было так живо, так драгоценно и так ужасно!

Утро тогда выдалось дивное. Небольшой морозец и немного снежку – как раз столько, сколько требуется, чтобы поддерживать праздничное настроение. Жизнь в них так и играла. Мерете – шестнадцать лет, Уффе – тринадцать. Мама и папа после прошедшей ночи поглядывали друг на друга и мечтательно улыбались: с того момента, когда стали загружать вещи в багажник, и до тех пор, пока все это не закончилось. Утро перед сочельником – чудесные слова, от которых в душе поднималась радость. Столько приятных ожиданий! Уффе говорил, что мечтает получить проигрыватель для компакт-дисков. Это было последнее в его жизни желание, которое он изложил на словах.

Отправились в путь. Все радовались, дети смеялись. Там, куда они ехали, их с нетерпением ждали.

Мерета и Уффе сели сзади. Брат был тогда на двадцать килограммов легче ее, он толкался и возился, как резвящийся щенок. Мерета в ответ тоже толкалась, сняла свою перуанскую шапочку и шлепнула его по голове. С этого момента шутливая борьба перешла допустимую грань, и на повороте лесной дороги Уффе совсем развоевался. Мерета обхватила его руками

и попыталась заставить сидеть смирно. Он брыкался, визжал и вскрикивал, веселясь от души, и Мерета удерживала шалуна изо всех сил. Папа, улыбаясь, обернулся и протянул к ним руку; в этот миг Мерета и Уффе подняли головы и посмотрели вперед. Их машина совершала обгон. Прямо перед ними ехал «форд сиерра» красного цвета с серыми от соли боками: впереди мужчина и женщина средних лет, оба смотрят на дорогу, сзади тоже мальчик и девочка. Дети в обеих машинах стали строить друг другу рожи. Коротко стриженный мальчик был года на два моложе Мереты. Он поймал ее веселый взгляд, когда она отталкивала руку отца; она снова со смехом взглянула на мальчика и, только заметив, как изменилось выражение его лица, поняла, что ее отец потерял управление. На секунду в Мерету впились полные ужаса голубые глаза чужого мальчика и тут же пропали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.